

Цена 4 коп.

Рыбные ПАЛОЧКИ-

превосходный продукт, приготовленный из первосортного рыбного филе, нарезанного кусочками и обжаренного в растительном масле после панировки жидким тестом и сухарями.

Подаются к столу в разогретом виде с различными соусами и овощными гарнирами, как второе блюдо, и в холодном виде, как закуска.

РОСМЯСОРИБТОРГ

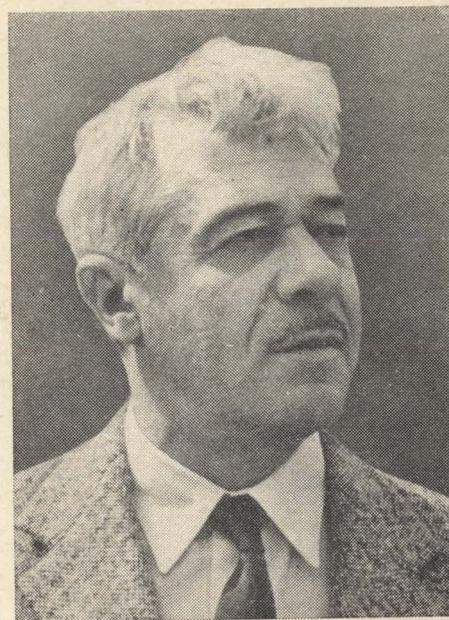

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 33

1962

Семен КИРСАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЭТОТ МИР

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 33

Семен КИРСАНОВ

ЭТОТ МИР

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1962

Семен КИРСАНОВ

Семен Исаакович Кирсанов родился в 1906 году в Одессе. Выступил с первыми поэтическими произведениями в начале двадцатых годов. Участвовал в движении «Левого Фронта искусств», в журнале «Лэф», сотрудничал с В. Маяковским. Первые книги: «Опыты», «Моя именинная», «Слово предоставляется». В 1930 году написал поэму «Пятилетка», затем «Золушку», «Твою поэму». Перед Отечественной войной опубликовал антифашистскую поэму «Война — чуме!». Несколько лет работал в военной печати. Автор солдатского лубка «Заветное слово Фомы Смыслова». После войны написал поэмы «Небо над Родиной», «Александр Матросов», «Макар Мазай». Лауреат Государственной премии. Дважды награждался орденом Трудового Красного Знамени. Произведения последних лет: поэма «Вершина», «Семь дней недели», «Ленинградская тетрадь» и другие. Переводил на русский язык Б. Брехта, Л. Арагона, Назьма Хикмета, В. Незвала, Пабло Неруду, В. Броневского, Аттилу Йожефа. Произведения С. И. Кирсанова переведены на языки братских республик и публиковались за рубежом на английском, французском, немецком, испанском, чешском, польском, болгарском, китайском и других языках.

СЧАСТЬЕ ЖИТЬ

Счастье — быть
частью материи,
жить, где нить
нижут бактерии;

жить, где жизнь
выжить надеется;
жить, где слизь
ядрами делится,

где улит
липкие ижицы
к листьям лип
медленно движутся.

Счастье — жить
в мире осознанном,
воздух пить,
соснами созданный;

быть, стоять
около вечности;
знать, что я —
часть человечества,

часть мольбы
голосом любящим,
часть любви
в прошлом и в будущем,

часть страны,
города, улицы,
часть страниц
о революции.

Счастье — дом,
снегом заваленный,
где вдвоем
рано вставали мы,

где среди
лисьих и заячьих
есть следы
лыж ускользящих...

Шар земной,
мчащийся по небу!
Будет м н о й
в будущем кто-нибудь?

Дел и снов
многое множество —
все равно
не уничтожится!

Нет, не быть
раю — потеряннм!

Счастье — быть
частью материи.

ЗЕМНОЕ НЕБО

Я посмотрел
на Землю с неба
и увидел, что небо — это
сама Земля
в одежде света
и облаках дождя и снега!

Что и оно —
земное чудо
и не явилось ниоткуда,
а ею создано самую
планетой,
родиной,
Землю.

перед тьмой вечною,
больше нет
 пропасти
за тропой Млечною,
наверху
 ждут еще,
мир планет светится,
скоро им
 в будущем
человек встретится.

Из сопла — проблески
в свет слились полностью.
Как желты
 тропики!
Как белы
 полюсы!
Океан вылужен
чешуей синею,
а Кавказ
 выложен
вековым инеем.

Человек в космосе —
это смерть
 косности,
это жизнь каждому
с молодой жаждою,
это путь
 радугой
в голубой области,
это мир
 надолго
на земном глобусе!

Это жизнь
 в будущем,
где нам жить велено,
это взгляд
 юноши
из страны Ленина!
Всех сердец
 сверенность

на его компасе,
это наш
первенец,
человек в космосе!

ЦВЕТОК

Хотите знать,
что сделал летчик,
промчавшийся вокруг Земли,
из атмосферных оболочек,
из света, сумерек и мглы,
во что он превратил планету
пройдя семнадцатый виток?
Я заявляю
всему свету:
он сделал из Земли
цветок!

Цветок невиданных расцветок
из зарев, радуг и рассветов!
И если был бы телескоп
на Марсе,— в голубом сиянье
цветок
в семнадцать лепестков
мог увидеть бы марсианин!

И объявляю миру я:
такою
быть должна
Земля!
Не бомбой, начиненной взрывом,
а созданным трудом людей
цветком
для нас,
для всех детей,
для жизни в будущем счастливым.

ЭТИ ДНИ

Это слово без адреса,
это всем
на планете.

Если есть чему радоваться.—
только

счастью на свете,

миру, жизни без робости,
без тревоги, что завтра
Землю

дымные пропасти
искалечат внезапно...

А Земля ведь красавица
в чистом золоте хлеба,
и горами

касается
удивленного неба,
и так правильно вертится,
и покрыта морями,
небеса ее

светятся
и другими мирами...

Отовсюду доносятся
мысли

нашего века:
пусть нигде одиночество
не гнетет
человека!

И должны быть
распутаны
споры мирною мерой —
ведь встречаются
спутники
над земной атмосферой,
и без злобы

соперника,
а как доброму другу,
жмет

простая Америка
гостю русскому руку.

Эти дни удивительны.
Видишь,

в облаке месяц.
Там лежат наши вымпелы
на задуманном месте.

Мы еще их потрогаем
на далеких
 планетах
и не скажем с тревогою
о небесных приметах...

Ведь исчерчен дорогами
реактивными
 воздух,
и уже недотрогами
нам не кажутся
 звезды.

Никакой высококости
мы страшиться не будем.
Высоко —

 в высокосмосе —
будет место и людям,
и любви человеческой,
и надеждам,
 и встречаем...

Будет день человечества
нескончаем
 и вечен.

Пусть, как письма
 без адреса,
строчки встретятся эти;
знаю:
 есть чему радоваться
человеку на свете.

НОВЫЕ ДОМА

Я шел проспектом Ленина
на новый Юго-Запад.
На скверах

 разлинеенных
окрепли ветки за год

Разголубелась оттепель,
и вдоль широких улиц
огромной

 библиотекой
дома, дома тянулись...

Повсюду шло вселение
и солнцем освещалось,
как будто
 вся вселенная
сюда перемещалась.

Из тесных, переклеенных
домишек невеселых
в дом
 на проспекте Ленина
спешили новоселы.

Тут были те,
 что пенсию
за труд свой заслужили,
и те, что первой песнею —
еще апрельской —
 жили...

Всем радостно по-разному,
и среди прочих грузов
и книжный шкаф
 к парадному
подъехал, став на кузов.

На полках все уместится —
подсчитано заране.
Идет хозяин
 лестницей,
несет тома собраний.

Несет легко и молодо,
как в Первомайский праздник,
тома,
 где Ленин —
 золотом
на переплетах красных.

Я шел проспектом Ленина,
и шла, как теплый ветер,
весна
 озеленения
всех пустырей на свете!

Так это было жизненно,
и мне весь путь казалось,

что это полка книжная
домами продолжалась,
что превратились в улицы,
в дома, в любовь и счастье
тома
о революции
и о Советской власти.

СТРЕЛА

Пока наш самолет
летит на грани звука,
внизу
«Стрела» ползет
так медленно, что мука.

Похоже, так вот полз
на лошадях
Радищев
через ухабы сел
проселком в городище.

Ползет «Стрела» среди
лошадок и коровок
и тащит
позади
хвост спичечных коробок.

А наш гигант спешит
к свиданью от разлуки,
и тень его
лежит,
в траве раскинув руки.

Вот так и Гулливер
дивился,
лежа в путях,
на ползшие в траве
калеты лилипутов.

Что лес?
Он — мурава
с потертостью лужаек.

Что конь?

Он — с муравья —
чуть движется и жалок...

Но эти рельсы с нить
и этот тополь с колос
не могут объяснить,
где медленность,
где скорость!

На звездный небосвод
ракету шлет
наука,
и самолет ползет
так медленно, что мука...

Нам кажется старо
его винтов кружение,
так тянет вниз
ядро
земного притяженья.

А в Дубне вихрь частиц
на зависть всем ракетам
несется,
чтоб настичь
в полете скорость света.

И все ж — во сколько раз
мы быстроту ни мерим —
я славлю
узкий глаз
меж тетивой и зверем!

Я горд тобой, дикарь,
стоящий под скалою,
открывший
у древка
способность быть стрелою.

Натянут лук —
лети,
торчи в лопатках барса!
Стрела,
ты часть пути
от нас — и дальше Марса!

КАЛУЖСКОЕ ШОССЕ

Занесена по грудь
Россия снеговая —
царицын санный путь,
дорога столбовая

в леса, леса, леса
уходит, прорезаясь...
Лишь промелькнет лиса,
да вдруг присядет заяц,

а то — глаза протри —
из-за худых избенок
вдруг свистнет пальца в три
сам Соловей-Разбойник,

а то простой народ
начнет сгибаться в пояс —
шлет вестовых вперед
императрицын поезд.

Она при всем Дворе,
две гренадерских роты,
вот вензеля карет
горят от позолоты.

На три версты парча,
да соболя, да бархат,
турбаны арапчат,
флажки на алебардах.

Вот виден он с холма,
где путь уже проторен,
вот матушка сама,
ее возок просторен,

салоп ее лилов,
лицо, как жар, румяно,
но это дар послов —
французские румяна...

За восемьдесят верст
она к любимцу едет,
с которым, полный звезд,
граф Воронцов соседит.

Вот первый поворот
у башен необычных —
баженовских ворот
два кружева кирпичных,

как два воротника
венецианских дождей,—
но до конца пока
дворец еще не дожил.

Царицу клонит спать,
ей нужен крепкий кофий,
до камелька верст пять,
не то что в Петергофе!

А тут все снег да снег,
сугробы да ухабы,
от изразцов да в мех,
все мужики да бабы...

Тут, будто о пенек,
споткнулся конь усталый,
и захрапел конек,
и вся шестерка стала.

Он мутно из-под шор
глядит, дрожат колени...
И облетело Двор
монаршее велье:

«Конь царский пал. Ему
воздвигнуть изваянье.
Коньково — дать сему
селению названье».

Повелено запрячь
в возок коня другого,
трубач несется вскачь —
и позади Коньково.

Темнеет путь лесной.
Не зябнет ли царица?
А может, за сосной
ей самозванец мнится?

То лес аль Третий Петр,
исчезнувший куда-то,
во мгле проводит смотр
своих солдат брадатых?..

Но вот и Теплый Стан,
где камелек теплится.
Поднять дородный стан
спешат помочь царице,

и — в кресло! Без гостей!
В тепле благоуханном
подносят кофий ей
в фарфоре богдыхана.

А крепок он зело!
Арабским послан ханом,
Тепло — зане село
зовется Теплым Станом.

Царица в кресле спит,
да неспокоен отдых.
Раскрыла рот. Висит
монарший подбородок.

Казачья борода
ей снится, взгляд мужичий...
Вольтера бы сюда,
да не таков обычай.

А бабам в избах жуть —
ушли мужья и сваты,
угнали чистить путь,
велели взять лопаты,

боятся конохов
в их чужеземных платьях,
скорей бы петухов
дождаться на полатях...

Лишь утро — и пошли
скрипеть возы и сани.
Вот и Десну прошли
овражными лесами,

вот и века прошли,
земной окутав глобус,
ну, вот и мы сошли,
покинув наш автобус...

Калужское шоссе,
волнистая равнина,
тебя в иной красе
как не любить ревниво?

И вас как не любить,
седые деревеньки?
Вы скоро, может быть,
исчезнете навеки...

Уже покрыл бетон
дороги подъездные,
снимаются с окон
наличники резные.

И сколько снято крыш
строителями за год!
В былую глушь и тишь
ворвался Юго-Запад.

И жаль и хорошо!
Пора прощаться с солнцем,
последний петушок
над слуховым оконцем,

прощай, ты никогда
навстречу к нам не выйдешь
и новые года
вовеки не увидишь!

Зарылся в давний снег
возок Екатерины,
иным идет к весне
калужский путь старинный.

И там, где Теплый Стан,
уже стоят пролеты
огромного моста
и реют вертолеты,

а правнучка тех баб —
с голубизной в ресницах —
врезается в ухаб
железную десницей!

По десять этажей
сюда, попарно строясь,
дома идут уже,
как в будущее поезд!

И около леска
иного, молодого,
написано: «Москва».
Все заново, все ново!

ПТИЧИЙ КЛИН

Когда на мартовских полях
лежала толща белая,
сидел я с книгой, на полях
свои заметки делаю.

И в миг, когда мое перо
касалось граф тетрадных,
вдруг журавлиное перо
с небес упало радужных.

И я его вписал в разряд
явлений атомистики,
как электрический разряд,
как божий дар без мистики.

А в облаках летел журавль,
и не один, а стаями,
крича скрипуче, как журавль,
в колодец опускаемый.

На север мчался птичий клин
и ставил птички в графике,
обыкновенный город Клин
предпочитая Африке.

Журавль был южный, но зато
он к нам в страну пожаловал!

А я был рад ему за то,
что мне перо пожаловал.

Я ставлю сущность выше слов,
но — верьте мне на слово:
смысл не в буквальном смысле слов,
а в превращеньях слова!

ДВА СНА

Отчего чудится
старина мне?
Крыши изб грудятся
в смоляном сне.

И чадят зарева,
и кричат матери:
кровью чад залило
в теремах скатерти.

И лежат воины,
а на них вóроны,
их зрачки склеваны
сквозь шелом кованый.

О шатры пестрые
кочевых орд!
На Буян-Острове
богатырь мертв...

А отцы крѣстные
без голов — голые.
Все чубы сбросили
на колах головы.

И, блестя перстнями
колдовских стран,
на ковре Персии
пьет шербет хан...

Почему ж кажется
этот сон мне?

Я ж сидел, кажется,
на сыром пне,

я дремал чуточку
у лесных плах,
я строгал дудочку,
чтоб манить птах.

Вел слепца за руку
вдоль речных волн
и смотрел на реку,
на крутой холм.

Там, как стол с утварью,
погружен в дремль,
на заре утренней
золотой Кремль.

Калита, что ли, ты?
Ярослав-царь?
Что грозишь золотом,
как грозил встарь?

Царь Иван молится?
И опять головы,
как дрова, колются
по всему городу?

Или шел залами
государь Петр
принимать с карлами
шутовской смотр?

Он треух с пряжкой
натянул на ухо,
епанчу фряжскую
застегнул наглухо.

Снег лежит пологом.
Холода. Темь,
Врылся Царь-Колокол
в мать сыру землю.

Но собор кажется
пирогом сказочным,

расписным, пряничным,
на столе праздничном.

На камнях жоженных
собрались голуби
и из крыл сложенных
тянут вниз головы.

Тишина в городе.
Бьют часы шесть.
Никогда вбронам
не клевать здесь.

А теперь слушай:
как уснешь вновь,
береги душу
от дурных снов.

ПОД ОДНИМ НЕБОМ

1. На одном свете...

Под одним небом на Земном Шаре мы с тобой жили,
где в лучах солнца облака плыли и дожди лили,

где стоял воздух, голубой, горный, в ледяных звездах,
где цвели ветви, где птенцы жили в травяных гнездах.

На Земном Шаре под одним небом мы с тобой были,
и, делясь хлебом, из одной чашки мы с тобой пили...

Помнишь день мрака, когда гул взрыва расколол счастье,
чернотой трещин — жизнь на два мира, мир на две части?

И легла пропасть поперек дома, через стол с хлебом,
разделив стены, что росли рядом, грозovým небом.

Вот плывут рядом две больших глыбы, исходя паром,
а они были, да, одним домом, да, Земным Шаром...

Но на двух глыбах тоже жить можно, и живут люди,
лишь во сне помня о Земном Шаре, о былом чуде —

там в лучах солнца облака плыли и дожди лили,
под одним небом, на одном свете мы с тобой жили.

2. Пустой дом

О пустой дом,
страшно жить в нем,

где скулят двери,
как в степи звери,

где глядит стол
от тоски в пол,

где сошлись в угол
тени злых пугал...

О пустой дом,
дом с двойным дном,

о былом помнят
пустыри комнат:

смех, любовь, речь,
свечи, свет встреч...

Как белы стены!
Где ж на них тени

бывших нас — тех?
Где он скрыт, смех

или крик боли?
Под полом, что ли?

О пустой дом,
ни души в нем,

пустота в доме,
никого, кроме

злых, пустых фраз,
неживых глаз,
двух чужих — нас.

3. Карусель

На коне крашеном я скачу бешено — карусель вертится,
А вокруг музыка, и, вертясь звездами, фейерверк светится.

О Пруды Чистые, звездопад елочный, рождество в городе.
Наклонясь мордами, без конца кружатся скакуны гордые.

О мой конь огненный, в голубых яблоках, с вороной гривой,
конь с седлом кожаным, с мундштуком кованым, с гербовой
гривною,

как мне вновь хочется обхватить шею ту и нестись в дальнюю
жизнь мою быструю, жизнь мою чистую, даль мою давнюю!

Что прошло — кончилось, но еще теплится одна мысль дерзкая:
может быть, где-нибудь все еще кружится карусель детская?

Да, в душе кружится, и, скрипя седлами, все летят кони те...
Но к какой пропасти, о мои серые, вы меня гоните?

4. Дождь

Зашумел сад, и грибной дождь застучал в лист,
вскоре стал мир, как эдем, свеж и опять чист.

И глядит луч из седых туч в зеркала луж:
как растет ель, как жужжит шмель, как блестит уж.

О грибной дождь, протяни вниз хрустала нить,
все кусты ждут — дай ветвям жить, дай ручьям пить.

Приложи к ним, световой луч, миллион линз,
загляни в грунт, в корешки трав, разгляди жизнь.

Загляни, луч, и в мою глушь, объясни, как
смыть с души пыль, напоить сушь, прояснить мрак.

Но прошел дождь, и ушел в лес громыхать гром,
и, в слезах весь, из окна вдаль смотрит мой дом...

5. Возвращение

Серебром крыл
самолет плыл
в облаках белых.

Перед ним встал,
как обвал скал,
грозовой берег.

Как хребет Анд,
громоздил пар
сизых туч гребень,

и путем в ад
шел дневной шар
в смоляном небе.

Я забыл жизнь
на один миг
в тесноте кресел.

И смотрел вниз
на земной мир
и сквозь гул грезил,

будто нет их:
ни винтов двух,
ни рядов окон,—

а, крутя вихрь,
мчится злой дух
с огненным оком.

Будто я взят
в паровой ад,
в лабиринт круга,

и уже мне
ни в каком сне
не видать луга,

где в лучах дня
ты среди трав,
и с тобой ветер,

и с тобой я
на земле, въявь,
при дневном свете!

Но уже шел
самолет вниз
в облаках низких,

был бетон гол,
небосвод сиз,
в дождевых брызгах.

Был мой дом пуст,
пылевой слой
на замках двери...

Я сказал: — Пусть!
Этот мир мой,
я в него верю.

ЯНВАРЬ

Снега нет, стужи нет,
хуже нет таких зим.
Календарь искажен
январем дождевым.

Солнца зимнего нет —
синевы с белизной,
нет и лыжных следов
на опушке лесной.

Нет метелей, и нет
снеговой тишины,
нет взаимных снежков,
мы и их лишены.

Жалко лет, жалко дней,
жалко долгой любви,
больно мне, трудно ей —
как душой ни криви!

Не приходит мороз,
нет спящего дня,
чтобы он, как наркоз,
обезболил меня.

Где же он, где же он,
почему его нет,
запорошенных звезд
замороженный свет?

Все туман да туман,
без зари на заре...
О жестокий обман —
теплый дождь в январе!

ХОЛОД

Начался снегопад,
будто небо в набат
стало бить — стало быть,
начался снегопад.

Опускаться, как занавес
белого сна,
кисеи без конца
начала белизна,

и последний, единственный
градус тепла
превратился в оконную
пальму стекла...

Вот и боль заморозилась,
полдень настал,
сердце в гранях застыло,
как горный хрусталь,

и не чувствует больше!
Морозный, дневной,
стал зеркален и бел
этот мир ледяной.

О холодное солнце
февральских небес,
ты теперь — лишь глаза
ослепляющий блеск,

ты бессильно царишь,
золотишь купола,
а на иней в окне
не хватает тепла.

Солнце молча стоит
далеко от земли,
а теперь и метели
весь мир замели.

АПРЕЛЬ

Наконец-то апрель,
наконец-то капёль,
наконец-то запел
хор весенних капелл,

наконец-то поплыл
по реке никуда
беспредметный рисунок
разбитого льда.

Громоздясь под железной
оградой моста,
он исчезнет, растает,
сотрется с листа,

растворится бесследно
в течение Оки,
станет слитной водою
спокойной реки.

Так и ты, моя боль,
грудой битого льда
оплываешь, уходишь
в свое никуда,

в половодье вливаешься,
в солнечный мир,
где плоты осмоленные
тянет буксир,

где размыто последнее
зеркальце льда,
где до нижней отметки
спадает вода...

ЭТОТ МИР

Мой родной, мой земной,
мой кружащийся шар!
Солнце в жарких руках,
наклонясь, как гончар,

вертит влажную глину,
с любовью лепя,
округляя, лаская,
рождая тебя.

Керамической печью
космических бурь
обжигает бока
и наводит глазурь,

наливает в тебя
голубые моря,
и где надо,— закат,
и где надо,— заря.

И когда ты отделан
и весь обожжен,
солнце чудо свое
обмывает дождем

и отходит за воздух
и за облака
посмотреть на творение
издалека.

Ни отнять, ни прибавить —
такая краса!
До чего ж этот шар
гончару удался!

Он, руками лучей
сквозь туманы света,
дарит нам свое чудо:
— Бери, мол, дитя!

Дорожи, не разбей:
на гончарном кругу
я удачи такой
повторить не смогу!

СНОВА

Снова с древа познания
зла и добра
нами сорвано яблоко —
тайна ядра.

Снова огненный меч
у захлопнутых врат,
смерч и взвившийся столп,
серный ливень и град.

Снова надпись гласит:
«Возвращения нет...»
Рай за раем теряли мы
тысячи лет

и теряем, теряем
попавший под вихрь
этот мир, и себя,
и любимых своих.

Но и маленький глобус,
как плод, разломив,
мы не в силах поверить,
что кончится миф

о незнающей смерти,
о вечной земле
с синим небом и хлебом
на белом столе.

Было ж солнце как солнце,
луна как луна!
Ни плутоний, ни стронций
не трогали сна

новорожденных в яслях,
влюбленных в траве,
островов на реке,
облаков в синеве...

Разве мы не способны
всему вопреки
вырвать огненный меч
из грозящей руки?

Разве я и на боль
и на смерть не готов,
чтобы вырастить сад
из запретных плодов?

ТЕНЬ

Шел я долгие дни.
Рядом шли лишь одни,
без людей, без толпы,
верстовые столбы.

Шел я множество лет.
Как-то в солнечный день
увидал, что со мной
не идет моя тень.

Оглянулся назад:
на полоске земли
тень моя одиноко
осталась вдали.

Как затмение солнца,
осталась лежать,
и уже невозможно
мне к ней добежать.

Впереди уже нет
верстового столба,
далеко-далеко
я ушел от себя,

далеко я ушел
колеями колес
от сверкающих глаз,
от цыганских волос.

Далеко я ушел
среди шпал и камней
от лежащей в беспамятстве
тени моей.

НАДЕЖДА

Этот мир! Не хочу
покидать этот мир —
мир садов и болот,
мир лачуг и Пальмир,

мир смерчей и миражей,
пустынь и морей,
мир потоков и засух —
мир жизни моей.

Мир глухих переулков,
любви и беды,
мир больничной кровати,
мир просьбы воды,

мир обширных галактик,
мир тесных квартир.
Не хочу, не хочу
покидать этот мир!

Пусть погаснет мираж,
пусть рассыплется смерч,
усыпи меня, ночь,
погребь меня, смерть!

Но в орбитах частиц
среди звездных кривизн
разбуди меня, день,
воскреси меня, жизнь!

Чувство зла и добра,
чувство льда и тепла,
утоления и жажды,
воды и весла

отбери, и верни,
и опять отними,
и опять на рассвете
верни в этот мир —

мир прощанья для встречи,
мир близких имен,
мир надежды на завтра,
мир красных знамен,

мир реки для причала,
семян для полей,
мир конца для начала —
мир жизни моей!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Счастье жить	3
Земное небо	4
Часы	5
Человек в космосе!	6
Цветок	8
Эти дни	8
Новые дома	10
Стрела	12
Калужское шоссе	14
Птичий клин	18
Два сна	19
Под одним небом	
1. На одном свете...	21
2. Пустой дом	22
3. Карусель	22
4. Дождь	23
5. Возвращение	23
Январь	25
Холод	26
Апрель	27
Этот мир	27
Снова	28
Тень	30
Надежда	30

Семен Исаакович Кирсанов

ЭТОТ МИР

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 00530. Подп. к печати 17/VIII 1962 г. Тираж 150 000. Изд. № 1458.

Зак. 1911. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.— 1,37 печ. л. Цена 4 коп.

**Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.**